

Разбитое зеркало

Наталия Ершова

Наталия Ершова

Разбитое зеркало

<https://litres.ru/73847119>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна просыпается в своей квартире и понимает: что-то не так. Часы, сломавшиеся два года назад, идут. Дверь не открывается. Отражения в зеркалах живут собственной жизнью, а по углам шепчутся тени. Рациональная, спокойная, никогда не паникующая девушка оказывается заперта в ловушке собственного дома, где реальность плавится на глазах.

Три дня ада. Три дня борьбы с тем, что нельзя объяснить. А потом выясняется: всё это было игрой. Съёмки шоу «Кривые зеркала», метод Станиславского, сценарий в тумбочке. Бабушка жива, родители в Дубае, Игорь ждет внизу с кофе. Но когда Анна выходит из душа, смывая с себя роль, на запотевшем зеркале появляется надпись: «Ты уверена?» А стена за окном начинает течь краской, обнажая фанеру и балки. Где заканчивается декорация и начинается реальность? И главное — кто на самом деле смотрит на неё из всех отражений?

Содержание

Глава 1 Потерянное равновесие.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Наталия Ершова

Разбитое зеркало

Глава 1 Потерянное равновесие.

Анна только проснулась, открыла глаза и сразу поняла: что-то не так.

Ощущение было смутным, почти навязчивым — как если бы она забыла что-то важное, но не могла вспомнить, что именно. Комната выглядела обычно: знакомый свет из окна, знакомые трещинки на потолке, старый ковер на стене. Но воздух был каким-то другим. Более легким, с нежным чуть уловимым ароматом ванили, что ли? Он был слишком прозрачным, будто у него не хватало той привычной пыльной тяжести, что всегда висит в старых квартирах. Анна приподнялась на локте и осмотрелась внимательнее. Квартира была двушкой в хрущевке, доставшейся от бабушки. Обои в мелкий цветочек в комнатах и в полоску в коридоре — бабушка считала, что это «расширяет пространство». Мебель старая, но крепкая: платяной шкаф с резными филенками, который невозможно передвинуть в одиночку, диван с деревянными подлокотниками, отполированными за десятилетия до блеска, книжный стеллаж во всю стену, где корешки книг выцвели до не читаемых оттенков. На полу — половики, ко-

торые бабушка называла «дорожками», тканые, с длинными ворсинками, собирающими всю пыль мира. В углу спальни — трюмо с тремя зеркалами, среднее из которых было чуть мутноватым, как лужица после дождя. Всё было на своих местах. Всё было привычным до мелочей. Анна знала этот запах — смесь старой древесины, книжной пыли и неуловимого бабушкиного духов «Красная Москва», который, казалось, въелся в стены навсегда. Но сегодня от запаха чуть иным и от него кружилась голова. Или это не от запаха? Она села, опустила ноги на пол. Тапки стояли на своем месте — носками от кровати. Она помнила, что вчера ставила их именно так. Или не помнила? Странная пустота в голове, когда пытаешься ухватиться за вчерашний вечер: чай, книга, странный сон про бесконечный коридор с множеством дверей. Она помнила это. Но между сном и пробуждением была какая-то дыра. Не провал памяти, а именно дыра — пустое пространство, в котором ничего не происходило, но оно было. Оно длилось. Анна потрясла головой, сунула ноги в тапки и пошла на кухню варить кофе. Движение привычно успокаивало. На полпути она остановилась. Настенные часы в коридоре показывали восемь часов пятнадцать минут. Это было правильно — она всегда просыпалась минута в минуту, без будильника. Но часы тикали. Корпус был тот же — темный полированный деревянный круг с латунным ободком, — но стрелки, застывшие года два назад на без четверти три, теперь двигались. Секундная дергалась на цифре «девять»

с удивительно отчётливым, почти издевательским щелчком. Тик. Тик. Тик. Анна перевела взгляд на пол. Дорожка лежала ровно, но ей показалось, что рисунок на ней — темно-бордовые ромбы по выцветшему фону — стал чётче, будто кто-то прошёлся по нему свежей краской.— Странно, — сказала она вслух. Голос прозвучал глухо, будто эхо прокатилось в ответ, с небольшой задержкой в звучание. Она прошла на кухню. Здесь было светлее — окно выходило во двор, и утреннее небо, затянутое ровной серой пеленой, заливало все ровным, без теневого светом. Кухня была маленькой, как и во всех хрущевках: газовая плита, раковина, узкий столик у окна, на подоконнике — герань в горшке. Бабушка любила герань. Анна ее не поливала уже неделю, но цветок выглядел свежим, даже слишком свежим — листья торчали упругими зелёными лопухами, будто их только что вымыли. Турка стояла на плите, банка с кофе — в шкафчике над раковиной. Анна открыла кран. Вода полилась привычно, но звук был другой — не журчащий, а какой-то глухой, будто она лилась не в раковину, а в вату. Анна подставила ладонь. Вода была холодной и нормально мокрой — ничего странного. Она зажгла газ. Конфорка загорелась ровным синим огнем, но пламя не дрожало. Оно стояло как нарисованное. Анна поставила турку на огонь и подошла к окну. Двор был пуст. Ни вечно припаркованной красной «Матиза» соседа из двадцать третьей, ни бабушек на лавочке, ни мальчишки с мячом. Качели висели неподвижно. Лужи после вчерашнего дождя бле-

стели, но на их поверхности не дрожало ни одной морщинки от ветра, хотя флюгер на крыше сарая внизу крутился. За спиной кофе начал подниматься шапкой. Анна машинально сняла турку, налила в чашку и сделала глоток. Кофе был без вкуса. Совсем. Не горький, не кислый, даже не горячий — просто теплая жидкость, отдающая чем-то металлическим. Как если бы пила из старой жестяной кружки, которую забыли помыть. Анна посмотрела на чашку — фарфоровая, белая, с золотым ободком — и поставила обратно на стол. В коридоре зазвонил телефон. Старый, проводной, который стоял на тумбочке у входа. Черный, тяжелый, с диском, который надо крутить пальцем. Анна его не отключала, но он молчал годами — все звонили на мобильный. Звонок был резким, каким-то злым. Анна пошла на звук. Трубка лежала на рычагах, но телефон надрывался. Она подняла трубку. — Алло? Тишина. Не гудки, не помехи — вакуумная пустота, от которой сразу заложило уши, будто в самолете при взлете. — Алло! — повторила она громче. На том конце что-то шелкнуло, и раздался звук, от которого Анна похолодела. Это был её собственный голос, но записанный, искаженный, с металлическим эхом, как на старой пленке, которую прокручивают слишком медленно: — ...Московское время восемь часов, пятнадцать минут ... Трубка выпала из рук, повисла на шнуре и закачалась маятником. Анна смотрела, как она раскачивается, ударяясь о тумбочку, и не могла пошевелиться. Внутри поднималась липкая, холодная волна — не страх даже, а

что-то первобытное, от чего немеют пальцы. Она отступила на шаг, врезалась спиной в стену и вдруг поняла, что хочет уйти. Просто выйти. Открыть дверь, спуститься по лестнице, вдохнуть воздух двора, увидеть людей. Любых. Она рванула к входной двери, вцепилась в ручку, дернула вниз. И в ту же секунду пальцы провалились в пустоту. Ручка была — Анна чувствовала её металлическую прохладу, ощущала ребристую поверхность под подушечками пальцев, — а в следующее мгновение её не стало. Пальцы сжались в кулак, очертив воздух, и в них не было ничего. Анна замерла, глядя на свою пустую ладонь. Ручка — старая, латунная, чуть стертая посередине — висела на месте. Анна снова протянула руку, медленно, боясь спугнуть. Коснулась. Металл был холодным. Твердым. Реальным. Она сжала пальцы — и снова они сомкнулись в пустоте, а ручка осталась висеть там же, на своем месте, насмешливо поблескивая. — Нет, — выдохнула Анна. — Нет-нет-нет. Она попыталась еще раз. И еще. Каждый раз одно и то же: мгновение контакта — и исчезновение, будто ее пальцы проходили сквозь мираж, будто материя на миг становилась призраком, чтобы тут же вернуться в прежнюю плотность. Анна не могла её удержать. Не могла даже толком ощутить — прикосновение длилось долю секунды, недостаточно, чтобы понять, холодная она или теплая, гладкая или шершавая. Ручка была. И её не было. Одновременно. Анна отшатнулась, прижимая ладони к груди. Дверь стояла глухой стеной. Обычная деревянная дверь, обитая сна-

ружи коричневым дерматином, с круглым глазком на уровне лица. Анна посмотрела в глазок — там было темно, хотя на лестничной клетке всегда горел свет.— Спокойно, — сказала она вслух. Голос опять прозвучал глухо, будто из соседней комнаты. — Просто спокойно. Она отошла от двери на ватных ногах, прошла в гостиную, подошла к окну, выходящему во двор. Внизу по-прежнему никого не было. Качели чуть качнулись — хотя ветра не было. И тогда она заметила это. На подоконнике, в щели между рамой и стеклом, лежал дохлый шмель. Толстый, полосатый, с прозрачными крылышками. Он лежал там уже несколько дней. Анна всё собиралась его убрать, но забывала. Она точно помнила, что вчера вечером шмель лежал головой к левому углу окна. Сейчас он лежал головой к правому. Анна зажмурилась, сильно, до разноцветных кругов, досчитала до пяти и открыла глаза. Шмель лежал головой к левому углу. Она выдохнула. Сердце колотилось где-то в горле. Секундная стрелка на часах в коридоре снова дернулась. Часы пробили одну тонкую, стеклянную ноту — и затихли. Было восемь пятнадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.